

Целеполагание современных студентов: инверсивный анализ

Севостьянов Дмитрий Анатольевич – канд. мед. наук, доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом. E-mail: dimasev@ngs.ru

Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия

Адрес: 630039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160

Гайнанова Алиса Рифкатовна – канд. психол. наук, доцент кафедры «Профессиональное обучение, педагогика и психология». E-mail: gainanova@bk.ru

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия

Адрес: 630049, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191

***Аннотация.** В статье представлены результаты исследования целеполагания студентов-старшекурсников, обучающихся по направлениям подготовки «Управление персоналом», «Государственное и муниципальное управление», «Психология», «Строительство». В ходе исследования совместно анализировались цели, заявленные студентами на год, на пять лет и на срок более 5 лет («на всю остальную жизнь»).*

Теоретической базой исследования стал анализ инверсивных отношений в иерархических системах. Подразумевается, что ценностные предпочтения, цели и мотивы образуют иерархические системы, в которых низшие, подчинённые элементы при определённых обстоятельствах способны претендовать на главенствующее значение (в этом и состоит явление инверсии). Развитие инверсий в данных иерархиях способно привести к эскалации социальных противоречий.

В ходе исследования определялись гендерные особенности целеполагания; для выявления достоверности гендерных различий применялось угловое преобразование Фишера. В частности, было выявлено, что респонденты женского пола достоверно чаще указывают на цели, связанные с построением семьи, рождением детей, приобретением недвижимости, любимой работой; респонденты мужского пола большее внимание уделяют высокому заработку. Особое значение придавалось выявлению инверсий в мотивационной иерархии, отношениям между узкими и широкими социальными мотивами. В частности, было выявлено, что узкие социальные мотивы, связанные с личным и/или семейным благополучием, решительно преобладают в целеполагании студентов над широкими социальными мотивами, а также над познавательными и исследовательскими мотивами. В данном случае имеет место инверсия, в результате которой просоциальные мотивы уступают мотивам эгоистическим, что внушает определённую тревогу. Вместе с тем отмечается выраженное стремление подавляющего большинства студентов к устройению собственной семейной жизни, несмотря на кризис семейных ценностей, отмечаемый в последнее время многими авторами. Большое значение имеет также мотив сохранения семейных уз со старшим поколением. Всё это может рассматриваться как проявление просоциальных тенденций.

***Ключевые слова:** целеполагание, ценности, мотивы, иерархия, иерархические системы, инверсия, инверсивные отношения, гендерные различия*

***Для цитирования:** Севостьянов Д.А., Гайнанова А.Р. Целеполагание современных студентов: инверсивный анализ // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 7. С. 43–53.*

DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-7-43-53>

Актуальность исследования

Основопологающей целью человеческой деятельности является построение некоторого потребного будущего; в особой мере это касается молодых людей, получающих образование как раз в преддверии этого будущего. От качества целеполагания ныне живущей студенческой молодёжи во многом зависит будущее каждого из нас. Поэтому изучение структуры жизненных целей, которые ставят перед собой наши молодые соотечественники, имеет непреходящую актуальность. Исследование целеполагания носит междисциплинарный характер: оно проводится на стыке языков психологии, педагогики, философии и социологии, затрагивая некоторые экономические и политические вопросы.

Теоретическая база исследования

Изучая целеполагание, мы непременно обращаемся к трём тесно сопряжённым его моментам: целям, мотивам и ценностям. В целеполагание включаются как преобладающие ценности субъекта, так и мотивы, которыми он руководствуется. При этом они связаны друг с другом и с системой, их породившей, а именно с «обществом». Критические изменения целей, ценностей, мотивов, действующих в социуме, неизбежно отражаются на существовании этого социума и на перспективах его развития.

На наш взгляд, цели, ценности и мотивы следует рассматривать в контексте иерархических отношений. Одна из важнейших особенностей иерархических систем – их способность к образованию инверсий. *Инверсией* в данном случае называется форма отношений в иерархии, при которой какой-либо элемент данной системы, занимая подчинённое положение и формально не покидая своей позиции, приобретает между тем главенствующее значение [1]. Инверсия проявляется как основная форма противоречий в системе; в данном случае речь идёт о противоречиях между формальным местом элемента в иерархии и его фактической ро-

лью (функцией) в ней. Особенно широко представлены инверсии в наиболее сложных и значимых для нас системах, таких как «общество» и «человек».

Истоки инверсивных отношений кроются в том обстоятельстве, что местоположение иерархического элемента в данной системе обусловлено рядом оснований. Иными словами, всякий элемент занимает своё место в иерархии не просто так, а по какой-то причине (обычно их несколько). Эти причины суть организационные принципы, действующие в данной иерархии. Например, в иерархии может действовать *хронологический* принцип, согласно которому главенство достаётся самому старому (или, напротив, самому молодому) элементу в системе. Во многих системах представлен *количественный* организационный принцип, который соответственно распределяет элементы на высшие и низшие в зависимости от их величины, наличия количественно изменчивых внешних признаков. Существует множество других организационных принципов в различных иерархических системах, причём их может быть выявлено так много, что сколько-нибудь исчерпывающий перечень таких принципов едва ли может быть составлен. Организационные принципы внутри одной системы зачастую вступают в противоречие друг с другом. В этом случае и возникает инверсия, например, согласно одному принципу некоторый иерархический элемент может вести лишь подчинённое существование, однако согласно другому – способен претендовать на ведущее положение в иерархии. Нетрудно заметить, что чем больше в данной системе действует организационных принципов, тем больше вероятность того, что отдельные принципы придут в столкновение друг с другом и в результате возникнет инверсия. Именно поэтому наиболее сложные системы, такие как «человек» или «общество», пронизаны инверсиями, что называется, сверху донизу. В иерархических системах целей, ценностей и мотивов данная ситуация также не является редкостью.

В результате внутренних противоречий и накопившихся инверсий любая система утрачивает свой первоначальный облик и начинает разрушаться. Это в полной мере касается целей, ценностей и мотивов. Но, как говорилось выше, такое драматичное событие непременно отразится и на функционировании социальной системы, в которой вышеупомянутые иерархии получили развитие. В то же время уже сформировавшаяся инверсия не может быть просто ликвидирована, «изъята» из системы – эта форма отношений встраивается в данную систему, а система, так или иначе, приспосабливается к ней.

В системе целей, а также ценностей и мотивов действует организационный принцип, который может быть назван *конституциональным*. Согласно данному принципу высшую позицию в иерархии должны занимать те цели, ценности и мотивы, которые обеспечивают существование и развитие общества как целого. К этой категории относятся так называемые широкие социальные мотивы, то есть созидательные, направленные на достижение общественной пользы. Напротив, узкие социальные мотивы направлены лишь на то, чтобы данная личность завоевала себе удобное место в социуме. В литературе эти мотивы имеют разное обозначение. Так, А.И. Божович на основе установок направленности личности выделяла личные и общественные мотивы, что, в принципе, означает то же самое [2].

В процессе исторического развития общества происходит смена ценностей. Каждый этап характеризуется их специфическим набором и иерархией. Так, ценности поколения, социализирующегося в условиях современной глобализации, носят прагматический характер. Для молодёжи постсоветского периода в приоритете ценности личного делового успеха, материального процветания и власти, то есть происходит смещение вектора общественных ценностей в сторону индивидуализма [4].

Приверженность широким социальным мотивам в значительной мере коррелирует с выбранным родом занятий. К примеру, они традиционно присущи лицам, занимающимся преподавательской деятельностью: как правило, их привлекает не материальное вознаграждение (обычно весьма скромное), а то, что они вносят позитивный вклад в судьбу многих молодых людей и таким образом готовят грядущую смену. Преподаватель вправе рассматривать себя как своего рода «солдата культуры». Можно привести немало других сфер деятельности, направляемых главным образом широкими социальными мотивами. Ценности профессиональной деятельности позволяют планировать действия, делать выбор, принимать решения, соответствующие требованиям профессионального сообщества [5]. Если в иерархической системе цели, ценности и мотивы людей размещены согласно конституциональному принципу, то именно широкие социальные мотивы должны занимать ведущие позиции, вопросам же получения сугубо индивидуальной выгоды, напротив, надлежит занимать подчинённое положение. Например, учёный в своей профессиональной деятельности (согласно требованиям научного этики) должен руководствоваться поисками истины, а не приисканием себе материального вознаграждения.

Кроме того, в вышеупомянутых иерархиях действует и другой организационный принцип, который можно назвать *мажоритарным*. Здесь высшую иерархическую позицию занимают цели, ценности и мотивы, которые в данной социальной общности присущи физическому большинству. Если эти два основных организационных принципа не противоречат друг другу, то в рассматриваемых иерархиях инверсивные отношения отсутствуют, а действуют изначальные, исходные иерархические отношения, отношения ордера. Так и будет, если широкие социальные мотивы, а также соответствующие ценности и цели в обществе разделя-

ются большинством. Если же просоциальные цели оказываются в забвении, то в этом случае в системе развиваются инверсивные отношения: общество атомизируется и уже не способно сообща отвечать на вызовы современного мира. Это чревато социальными кризисами [6].

В отечественной психологии процесс целеполагания (целеобразования) стал предметом специального рассмотрения начиная с 1970-х гг. в научной школе О.К. Тихомирова. Целеобразование трактовалось как процесс, фокусирующий и мотивационно-эмоциональные компоненты саморегуляции мышления, и становление когнитивных структур [7]. По мнению О.К. Тихомирова, в реальной деятельности могут образовываться несколько целей, между которыми складываются иерархические и временные отношения (параллельные и последовательные цели) [8]. Успешность реализации цели определяется её достижимостью, конкретностью, ориентированностью не только на результат, но и на срок её исполнения.

Исследование целей, которые ставит себе молодёжь, позволяет не только определить ситуацию на данный момент, но и строить социальные прогнозы. При этом, однако, следует помнить, что цели, ценности и мотивы не являются чем-то неизменным и способны меняться в результате внешних воздействий.

Цель и задачи исследования

Целью предпринятого исследования являлось выявление особенностей целеполагания студентов-старшекурсников. Из данной цели вытекали задачи исследования:

1) проанализировать характер мотивов, проявляющийся в целеполагании студентов, обучающихся по различным направлениям подготовки;

2) выявить гендерные особенности целеполагания;

3) определить наличие инверсий в иерархических отношениях широких и узких социальных мотивов респондентов;

4) раскрыть социально-экономическое значение исследований целеполагания у учащейся молодёжи, а также роль таких исследований в образовательной сфере.

Материалы и методы исследования

Опрос был проведён среди студентов старших курсов Новосибирского государственного аграрного университета, обучающихся по бакалаврским направлениям подготовки «Управление персоналом» и «Государственное и муниципальное управление» и обучающихся по направлению подготовки специалитета «Управление персоналом». Кроме того, к опросу были привлечены студенты-старшекурсники Сибирского государственного университета путей сообщения, обучающиеся в бакалавриате по направлениям подготовки «Управление персоналом», «Психология» и «Строительство».

В ходе опроса испытуемым было предложено в свободной форме описать свои жизненные цели, определив их на краткосрочную (на ближайший год), на среднесрочную (до пяти лет) и на долгосрочную (более пяти лет) перспективу. Опрос проводился на условиях анонимности. Всего в нём приняли участие 358 человек: 124 респондента мужского пола и 234 – женского (такое соотношение полов в целом репрезентативно для студенчества данных направлений подготовки в вузах). Средний возраст респондентов мужского пола составил $22,1 \pm 1,8$ лет, женского – $21,7 \pm 1,6$ лет.

Проведённый опрос раскрывает не только собственно цели, но и мотивы, которыми руководствуются респонденты в процессе целеполагания. Цели же формируются на базе ценностных представлений личности. Предметом интереса была как общая представленность в данной выборке тех или иных жизненных целей, так и гендерные особенности целеполагания.

Результаты исследования

Поскольку опрос проводился среди студентов-старшекурсников, то вполне есте-

ственно, что подавляющее большинство, а именно 220 опрошенных женского пола (94,0%) и 105 опрошенных мужского пола (84,7%), в своих ближайших целях указали защиту выпускной квалификационной работы и получение диплома. О дальнейшем трудоустройстве («достойная работа») как о цели указывают практически все без исключения респонденты. Но о том, что работа должна быть не только «достойной», но и любимой, написали только 68 девушек (29,1%) и 24 юноши (19,4%).

С удовлетворением следует отметить, что, несмотря на наличие отмечаемого многими авторами кризиса института семьи и семейных ценностей в современном обществе [9; 10], подавляющее большинство опрошенных считают для себя создание семьи необходимым. Это связано с важнейшей психологической функцией семьи, которая даёт ощущение безопасности, психологической устойчивости и психоэмоционального комфорта, что также отмечается рядом авторов [11]. Цель «создание семьи» указали 202 респондента женского пола (86,3%) и 90 респондентов мужского пола (72,6%), то есть приверженность к созданию семьи показывают представители обоих полов, но девушки из обследованного контингента стремятся к этому достоверно чаще. Хотя результат и показывает статистическую достоверность гендерных различий по данному вопросу, необходимо особо оговорить, что респонденты, не упоминавшие создание семьи в качестве цели, не отрицали её настойчиво, а скорее всего, только упустили из виду при заполнении анкеты, что, вероятно, связано с тенденцией современной молодёжи отложить создание семьи на определённый промежуток времени. Из всех опрошенных лишь один респондент мужского пола специально указал, что к его краткосрочным целям относится «быть холостым», но и он в дальнейшем высказался за создание семьи. Указаний на предпочтение или хотя бы возможность создания каких-либо нетрадиционных форм семьи, которые, как известно, получили опре-

делённое распространение в современном обществе (такие данные приводят, например, Л.А. Хачатрян, а также Т.К. Ростовская и О.В. Кучмаева [12; 13]), в анкетах нет совсем. Все те опрошенные, которые сами указали в анкете, что находятся в настоящий момент в близких внебрачных отношениях с представителем противоположного пола, в дальнейшем планируют брак всё-таки надлежащим образом оформить.

Такую цель, как рождение и воспитание детей, достоверно чаще упоминали девушки: её указали 177 опрошенных женского пола (75,6%) и только 55 опрошенных мужского пола (44,4%). Любовь к детям и их воспитание, действительно, занимают одну из лидирующих позиций в иерархии семейных ценностей современной молодёжи [14], однако их рождение не является для большинства респондентов мужского пола актуальным в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Число планируемых детей у юношей оказалось чуть ниже: в среднем 1,7 против 1,9 у девушек. Это согласуется с результатами исследований, где указывается, что среди молодёжи снижается ценность семьи с несколькими детьми; репродуктивные ориентации молодых людей тяготеют к малодетной семье [13]. Возможно, это связано с изменением иерархии ценностей, где приоритетом становится личностный успех, подкреплённый материальным достатком, а появление детей может негативно сказаться на достижении данных целей.

Практически одинаково скромное отражение в формировании жизненных целей получил мотив независимости (материальной и психологической): на это указали 23 девушки (9,8%) и восемь юношей (6,5%). Однако респондент мог не акцентировать внимание на мотиве независимости, но при этом фактически демонстрировать этот мотив, выражая желание купить собственное жильё (т.е. не проживать вместе с родителями). Стремление к независимости проявляется и в желании иметь свой бизнес, а не работать по найму. О планах приобрести и

развивать в дальнейшем собственный бизнес сообщили 49 респондентов женского пола (24,4%) и 39 – мужского пола (33,1%); среди лиц мужского пола, таким образом, желающих иметь «собственное дело» относительно больше, но разница эта статистически сомнительна.

Интерес к материальному благосостоянию (получению высоких заработков) как к жизненной цели проявили 93 опрошенных женского пола (39,7%) и 68 опрошенных мужского пола (54,8%). Таким образом, респонденты мужского пола продемонстрировали большее стремление к высоким заработкам (доходам). Однако и те, кто специально не оговаривал эту цель, представляли ряд других целей, несомненно, сопряжённых с большими материальными вложениями. Так, покупку недвижимости (дома, квартиры, дачи или нескольких разных объектов) запланировали 144 девушки (61,5%) и 61 юноша (49,2%); о приобретении же автомобиля или другого транспортного средства (в некоторых случаях – не одного) заявили в качестве цели 105 девушек (44,9%) и 44 юноши (35,5%). Другие покупки, не связанные с недвижимостью и автотранспортом, в качестве целей указали 18 девушек (7,7%) и 9 юношей (7,3%); сюда включено как приобретение всевозможных вещей и технических устройств, так и домашних животных. Заботу о родственниках, родителях (также требующую материальных затрат) упомянули в качестве цели 88 девушек (37,6%) и 22 юноши (17,7%); у женского пола данный мотив встречается достоверно чаще.

Особую роль среди жизненных целей играет «интеллектуальное развитие». Возможность углубления или расширения своего образования является ценностью не только для человека, но и для социума, так как это ресурс устойчивого социально-экономического и духовного развития общества в целом [15]. Стремление продолжить своё образование в магистратуре, либо получить второе высшее образование продемонстрировали 78 респондентов женского пола

(33,3%) и 33 – мужского пола (26,6%); таким образом, данный показатель зависит от пола сравнительно мало; общее же количество желающих учиться далее весьма велико. При этом «чистые» познавательные мотивы, такие как «узнать как можно больше нового», представлены в выборке довольно слабо; их указали 12 девушек (5,1%), и 11 юношей (8,9%). Точно так же исследовательские мотивы упомянуты лишь пятью девушками (2,1%) и двумя юношами (1,6%) – речь здесь идёт именно о занятиях научно-исследовательской деятельностью, о написании диссертаций.

Значительная часть опрошенных в качестве цели указывают путешествия (по России, а также по всему миру; сюда же относится планируемый переезд в другой город): 165 девушек (70,5%) и 48 юношей (38,7%); девушек путешествия привлекают значительно больше. Среди городов, где студенты хотели бы жить (если они вообще намерены куда-либо переехать), уверенно лидирует Санкт-Петербург. При этом планируют выезд за пределы Российской Федерации на постоянное место жительства 13 девушек (5,6%) и 13 юношей (10,5%), то есть всего 7,3% всех опрошенных.

Разнообразные хобби заявлены в качестве жизненных целей 37 девушками (13,7%) и 16 юношами (12,9%); в данную категорию включены и эксперименты с собственной внешностью (например, желание сделать татуировку). Занятия спортом обозначили в качестве целей 20 девушек (8,5%) и 19 юношей (15,3%) – в основном те, кто занимался спортом и до этого. Наконец, заботу о собственном здоровье назвали в качестве приоритета 32 девушки (13,7%) и 11 юношей (8,9%) – как правило, те, кто уже сталкивался с такими проблемами.

Практически совпадает частота упоминаний о карьерном росте: такую цель заявили 82 девушки (35,0%) и 44 юноши (35,5%). На цели, обусловленные мотивом аффилиации (принадлежности к социальной группе), например «сохранить свой круг общения»,

указали 18 девушек (7,7%) и восемь юношей (6,5%). Мотив творческой самореализации отдельно показан в ответах восьми девушек (3,4%) и пяти юношей (4,0%). Минимально отражён в жизненных целях опрошенных и мотив избегания неудач: он присутствует в анкетах двух девушек и одного юноши.

Цели, обусловленные широкими социальными мотивами, в ходе исследования были подразделены на неконкретные и конкретные; часто и те и другие можно встретить в одной анкете. Неконкретные цели носят характер скорее благих пожеланий самому себе: например, «приносить пользу людям». Они представлены у 11 девушек (4,7%) и четырёх юношей (3,2%). Конкретные цели отображают планируемые достижения в определённой предметной области, связанной с общественными интересами (например, цели, связанные с развитием массового спорта). Таковые нашли отражение в анкетах 15 девушек (6,4%) и 7 юношей (5,6%)

Обсуждение результатов и выводы

Выше представлена распространённость в среде молодёжи жизненных целей, связанных в основном с собственными частными, либо сугубо семейными интересами. Среди этих целей следует выделить такие, при постановке которых выявлены достоверные гендерные различия. Так, стремление получить любимую, а не просто высокооплачиваемую работу, обзавестись детьми (с указанием конкретного числа), много путешествовать, изучать иностранные языки и заботиться о своих родственниках (родителях, родителях супруга) достоверно чаще встречается в анкетах респондентов женского пола. Представители мужского пола традиционно больше внимания уделяют высоким заработкам (что, в общем, соответствует гендерной роли кормильца).

Теперь обратимся к важнейшим просоциальным мотивам (или широким социальным мотивам), которые отражаются в целях, обусловленных желанием и стремлением приносить пользу обществу (за пределами

собственной семьи). Учитывая специфику приобретаемых специальностей, связанных с управлением, строительством, а также практической психологией, данные мотивы должны быть достойно представлены в целях студентов выпускного курса, которым вот-вот предстоит переходить к практической деятельности. Что же мы наблюдаем?

Как видно из результатов опроса, цели, продиктованные широкими социальными мотивами, в общей системе мотивации студентов выпускных курсов носят спорадический характер, а в контексте мажоритарного организационного принципа – характер сугубо подчинённый. Они безусловно уступают по своей распространённости тем целям, которые связаны с потреблением и устройством собственной, частной судьбы. И в этом, несомненно, находит выражение современная инверсия в структуре ценностей и мотивов. Преимущественное распространение целей сугубо эгоистических, как уже говорилось, ведёт общество к распаду. Вместе тем выраженный интерес к семейным ценностям, показанный в данном опросе, не позволяет прямо утверждать о приближении такой катастрофы. Семья традиционно выступает в качестве элементарной ячейки общества и главного социализирующего фактора. Тем не менее основания для тревоги всё-таки существуют. Ценности молодёжи не должны замыкаться в рамках собственного (и даже семейного) благополучия. В исторически недавние времена роль широкого социализирующего фактора выполняла религия, участие в жизни церковного прихода, религиозной общины (в ряде стран и культур это наблюдается и сейчас). Однако среди опрошенных только две девушки упомянули о религиозных мотивах, а у юношей такие мотивы не встречались вовсе. Познавательные и исследовательские мотивы, которые могли бы принять на себя эту функцию, представлены в выборке, как показано выше, достаточно слабо.

К счастью, в отношении социальных систем верно также и то, что они управляемы.

Если данная инверсия будет пущена на самотёк, она действительно может привести к существенным негативным последствиям, к росту отчуждения в обществе, к атомизации социума, к дальнейшему преобладанию эгоистической мотивации в деятельности и межличностных отношениях. Однако следует помнить, что данный опрос был проведён в стенах вузов, то есть образовательных учреждений, на которые, среди прочего, возлагается и обязанность воспитания учащихся. Хотелось бы думать, что направленная и умело организованная воспитательная работа на всех этапах образования может повлиять на формирование и жизненных целей, и ценностей, и мотивов.

Объяснение же выявленной здесь инверсии достаточно банально. После того как в постсоветской России исчезло принудительное и достаточно навязчивое насаждение просоциальных мотивов, маятник общественных настроений не мог не качнуться в противоположную сторону. Приобретательство и потребительство стали в связи с этим весьма распространённым явлением. Это как раз тот самый случай, когда просто удалить инверсию из системы не представляется возможным, поскольку она срослась со сложившейся системой. Активность конечного потребителя является едва ли не главным мотором современной экономики. Следует, однако, заметить, что и в нынешней ситуации покупки и приобретения (помимо недвижимости и автотранспорта) как цель представлены в данных опроса сравнительно скромно.

Широко распространённой целью, как показал опрос, является приобретение собственного жилья. Этот момент заслуживает особого внимания, поскольку за ним стоят определённые социальные, экономические и даже политические последствия. В ряде промышленно развитых стран значительный процент экономически активного населения проживает в съёмном жилье. Как бы ни была сейчас распространена эта тенденция в России, но всё же большинство россиян являются собственниками своего жилья или пла-

нируют ими стать (это владельцы частных домов, лица, купившие себе квартиры или оформившие ипотеку, а также те, кто приватизировал жильё при переходе к рыночным отношениям, либо наследники таких лиц). Резонно предположить, что стремление к приобретению (покупке) собственного жилья среди опрошенных студентов не приблизилось к 100% главным образом потому, что некоторые из них намерены и далее проживать вместе с родителями и воспользоваться правом унаследовать их жильё. Между тем отсутствие привязанности к собственному жилью (и проживание в съёмном жилье) сообщает субъекту важное качество, которое весьма востребовано в современной рыночной экономике, а именно мобильность на рынке труда, способность более-менее свободно перемещаться по территории страны (и мира) в поисках достойного заработка.

Вопросам мобильности рабочей силы в настоящее время уделяется немало публикаций [16; 17], и всюду эта мобильность упоминается, как правило, в положительном ключе. Однако следует признать, что высокий уровень такой мобильности всё-таки в большей мере выгоден корпорациям, чем самим работникам. Жизнь в городе, в котором человек провёл своё детство, имеет несомненные плюсы – она обеспечивает связь человека с его малой родиной, в значительной мере формирует его культурную идентичность. Кроме всего прочего, это создаёт возможность поддерживать близкие отношения с родителями и другими родственниками, что нашло отражение и в приведённых выше результатах опроса. Такой порядок жизненного уклада, впрочем, нисколько не исключает мобильность как таковую, что достаточно хорошо видно по выявленной в опросе тяге к путешествиям (в основном с познавательными и рекреационными целями). Принудительное же насаждение мобильности рабочей силы в России (например, по американскому образцу) в широких масштабах, очевидно, прижиться у нас не может. В нашей стране в семейном укладе всё ещё сохра-

няются патриархальные традиции, и переход к нуклеарной семье, состоящей только из супругов и их детей, так и не стал всеобщим. Достигнув совершеннолетия, молодой человек или девушка лишь в исключительных случаях разрывает прежние семейные связи, например, в ситуации деструктивного конфликта со старшим поколением. Стремление к социальному прогрессу не должно порождать аномию, беспочвенность и оторванность от своих корней. Таким образом, речь идёт о сохранении в нашей стране традиционных ценностей, которые в современном изменяющемся мире приобретают особую значимость.

В заключение следует указать, что исследование инверсивных отношений в иерархических системах представляет собой действенный аналитический инструмент, применение которого при анализе целей, ценностей и мотивов весьма целесообразно. Выявление мотивационных и ценностных инверсий позволяет не только оценивать современное состояние социальной системы, но и строить определённые прогнозы в отношении её дальнейшего функционирования и развития.

Литература

1. Севостьянов Д.А. Социальные инверсии и образование // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 12. С. 39–49.
2. Божович А.И. Проблема развития мотивационной сферы ребёнка // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. А.И. Божович и А.В. Благоннадежиной. М.: Педагогика, 1972. С. 22–29.
3. Кирьякова А.В. Теория ориентации личности в мире ценностей. М.: Дом педагогики, 2009. 318 с.
4. Зубарева С.С. Социовитальные ценности поколения Y в социокультурном пространстве современности: состояние, динамика, направленность // Ценности и смыслы. 2017. № 1 (47). С. 112–120.
5. Фролов О.В. Ценности профессиональной деятельности государственных служащих // Ценности и смыслы. 2017. № 1 (47). С. 134–143.
6. Севостьянов Д.А., Гайнанова А.Р. Символическая природа ценностей // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 2. С. 132–139.
7. Бабаева Ю.Д., Бефёзанская Н.Б., Васильев И.А., Войскунский А.Е., Корнилова Т.В. О вкладе О.К. Тихомирова в методологию, теорию и экспериментальную практику психологической науки // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 4. С. 9–27.
8. Тихомиров О.К. Психологические механизмы целеобразования. М.: Наука, 1977. 257 с.
9. Ильиных С.А. Семейные ценности молодёжи: традиции и трансформации // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 220–232.
10. Нагевичене В.Я. Гендерные ролевые девиации как факторы кризиса семьи // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. Вып. 18. С. 189–192.
11. Ростовская Т.К., Рязанцев С.В. Социально-демографические характеристики молодёжи в современном российском обществе // Государственный советник. 2015. № 2. С. 66–75.
12. Хачатрян Л.А. Тенденции изменения современной российской семьи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 4 (20). С. 111–120.
13. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья – важная составляющая ценностного ядра молодых россиян // Ценности и смыслы. 2017. № 1(47). С. 121–133.
14. Гольцова Е.В., Лёшенко Я.А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 125–130.
15. Нафутто С.В., Ростовская Т.К. Право на образование – главная конституционная ценность российской молодёжи // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2016. Т. 11. С. 17–29.
16. Гильдингерш М.Г., Добрусина М.Е. Концептуальные подходы к формированию профессиональной мобильности рабочей силы // Вестн. Томского гос. ун-та. 2013. № 377. С. 102–105.
17. Леманова П.В. Влияние мобильности рабочей силы на состояние рынка труда // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2015. № 1. С. 104–107.

Статья поступила в редакцию 20.02.19
Принята к публикации 15.05.19

Goal-Setting of Modern Students: Inverse Analysis

Dmitry A. Sevostyanov – Cand. Sci. (Medicine), Assoc. Prof., Department of personnel policy and personnel management, e-mail: dimasev@ngs.ru

Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Address: 160, Dobrolyubova str., Novosibirsk, 630039, Russian Federation

Alisa R. Gainanova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of vocational training, pedagogy and psychology, e-mail: gainanova@bk.ru

Siberian State University of Railway Engineering, Novosibirsk, Russia

Address: 191, Dusi Kovalchuk str., Novosibirsk, 630049, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of a study of the goal-setting of undergraduate students enrolled in the areas of training “Personnel management”, “State and municipal management”, “Psychology”, and “Construction”. The study jointly analyzed the goals stated by students for 1 year, 5 years and more than 5 years (that is, for the rest of their lives).

The theoretical basis of the study was the analysis of inverse relations in hierarchical systems. It is assumed that the value preferences, goals and motives form hierarchical systems in which the lower, subordinate elements under certain circumstances are able to claim the dominant value (this is the phenomenon of inversion). The development of inversions in these hierarchies can lead to the escalation of social contradictions.

The study identified gender-specific goal-setting; Fisher transformation was used to identify the significance of gender differences. In particular, it was found that female respondents are significantly more likely to point to goals related to building a family, giving birth to children, purchasing real estate, getting favorite work; male respondents pay more attention to high earnings. Particular importance was attached to the identification of inversions in the motivational hierarchy, the relationship between narrow and broad social motives. In particular, it was found that narrow social motives related to personal and / or family well-being strongly prevail in the goal-setting of students over broad social motives, as well as over cognitive and research motives. In this case, there is an inversion, as a result of which prosocial motives are inferior to selfish motives, and this inspires some anxiety. At the same time, we observe an evident desire of the vast majority of students to arrange their own family life, despite the crisis of family values identified by many researchers. The motivation to maintain family ties with the older generation is also important. All this can be viewed as a manifestation of prosocial tendencies.

Keywords: goal-setting, values, motives, hierarchy, hierarchical system, inversion, inverse relations, gender differences

Cite as: Sevostyanov, D.A., Gainanova, A.R. (2019). Goal-Setting of Modern Students: Inverse Analysis. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 7, pp. 43-53. (In Russ., abstract in Eng.)

DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-7-43-53>

References

1. Sevost'yanov, D.A. (2018). Social Inversions and Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 27, no. 12, pp. 39-49. (In Russ., abstract in Eng.)
2. Bozhovich, L.I. (1972). [The Problem of Development of the Motivational Sphere of a Child]. In: Bozhovich, L.I., Blagonadezhina, L.V. (Eds). *Izuchenie motivatsii povedeniya detei i podrostkov* [Study of Motivation of Children's and Adolescents' Behavior]. Moscow: Pedagogika Publ., pp. 22-29. (In Russ.)

3. Kir'yakova, A.V. (2009). *Teoriya orientatsii lichnosti v mire tsennostei* [Theory of Personality Orientation in the World of Values]. Moscow: Dom pedagogiki Publ., 318 p. (In Russ.)
4. Zubareva, S.S. (2017). Socio-vital Values of Generation Y in the Sociocultural Space of Modernity: State, Dynamics, Direction. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*. No. 1(47), pp. 112-120. (In Russ., abstract in Eng.)
5. Frolov, O.V. (2017). Values of Civil Servants' Professional Activity. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*. No. 1 (47), pp.134-143. (In Russ., abstract in Eng.)
6. Sevost'yanov, D.A., Gainanova, A.R. (2017). [The Symbolic Nature of Values]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture]. Vol. 14, no. 2, pp. 132-139. (In Russ.)
7. Babaeva, Yu.D., Berezanskaya, N.B., Vasil'ev, I.A., Voyskunskiy, A.E., Kornilova, T.V. (2009). [About Contribution of O.K. Tikhomirov to Methodology, Theory and Experimental Practice of Psychological Science]. *Metodologiya i istoriya psikhologii = Methodology and History of Psychology*. Vol. 4, no. 4, pp. 9-27. (In Russ.)
8. Tikhomirov, O.K. (Ed.) (1977). *Psikhologicheskie mekhanizmy tseleobrazovaniya* [Psychological Mechanisms of Goal-Setting]. Moscow: Nauka Publ., 257 p. (In Russ.)
9. Il'inykh, S.A. (2012). [Family Values of Young People: Traditions and Transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 4 (20), pp. 220-232. (In Russ., abstract in Eng.)
10. Nagevichene, V.Ya. (2012). Gender Role Deviations as Factors of the Crisis of the Family in the XX and XXI centuries. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*. Issue 18, pp. 189-192. (In Russ., abstract in Eng.)
11. Rostovskaya, T.K., Ryazantsev, S.V. (2015). Socio-Demographic Characteristics of the Russian Youth. *Gosudarstvennyi sovetnik = State Counsellor*. No. 2, pp. 66-75. (In Russ.)
12. Hachatryan, L.A. (2014). Trends in Changes in the Modern Russian Family. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Perm University Bulletin. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. No. 4 (20), pp. 111-120. (In Russ., abstract in Eng.)
13. Rostovskaya, T.K., Kuchmaeva, O.V. (2017). Family as an Important Component of the Core Value of Young Russians. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*. No. 1(47), pp. 121-133. (In Russ., abstract in Eng.)
14. Gol'tsova, E.V., Leshenko, Ya.A. (2010). Social Environment Factors as Determinants of Marriage and Fertility. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 2, pp. 125-130. (In Russ., abstract in Eng.)
15. Narutto, S.V., Rostovskaya, T.K. (2016). The Right to Education is the Main Constitutional Value of Russian Youth. *Ezhegodnik rossiyskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva = Yearbook of Russian Educational Legislation*. Vol. 11, pp. 17-29. (In Russ., abstract in Eng.)
16. Gil'dingersh, M.G., Dobrusina, M.E. (2013). Conceptual Approaches to the Formation of Labour Force Professional Mobility. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. No. 377, pp. 102-105. (In Russ., abstract in Eng.)
17. Lemanova, P.V. (2015). [Impact of Labour Mobility on the Labour Market]. *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A.P. Chekhova* [Bulletin of A.P. Chekhov Taganrog Institute]. No. 1, pp. 104-107. (In Russ., abstract in Eng.)